

Воронежский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра русской литературы XX века
Кафедра зарубежной литературы

**ПАМЯТЬ РАЗУМА И
ПАМЯТЬ СЕРДЦА:**

*Материалы Всероссийской научной конференции
(Воронеж, 22-23 апреля 2011 г.)*

к юбилею проф. С.Н. Филюшкиной

Воронеж
2011

ББК 83.3 (0)

П15

Память разума и память сердца: Материалы Всероссийской научной конференции (Воронеж, 22-23 апреля 2011 г.) / Под. ред. А.А. Житенева. – Воронеж: Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – 298 с.

Сборник посвящен историко- и теоретико-литературному осмыслению проблемы культурной памяти в ее взаимодействии с личной памятью. Предметом анализа выступают такие проблемы, как соотношение кода и текста, актуализации и деактуализации смыслов, вариативности и идентичности художественных форм, соотношения памяти и творчества, взаимодействие эмоционального и чувственного, чувственного и категориального.

Для филологов, культурологов, искусствоведов.

В оформлении книги использована эмблема из книги J. Mannich «*Sacra Emblemata LXXVI in quibus summa uniuscuiusque evangelii...*» Nuernberg: Sartorius, 1624 (Надпись: Пс. 38:4; Девиз: «Да возрастут искры, Иегова»).

него высокомерием отнести к «безнадежной ординарности» преуспевших в жизни Дударева и Гордона [5: 474].

Остается только гадать, что предпочтительнее: житейская устойчивость или духовная самостоятельность.

В наше время, как уже говорилось выше, с перспективами чтения, кажется, все понятно. Появились иные источники общественного признания. И отнюдь не исключено, что, перестав читать, Россия отделается от «литературоцентричности», а с ней и от «экзистенциальной бездомности». И тогда обретет реальное жизненное пространство... Не потерять бы при этом важного.

Литература

1. Анненский И. Книги отражений. – М., 1979.
2. Бунин И.А. Собр. соч. : в 9 т. – М., 1965. – Т. 2.
3. Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Вопр. философии. – 1990. – № 4.
4. Ломоносов М. Избранные произведения. – Л., 1986.
5. Пастернак Б. Собр. соч. : в 5 т. – М., 1990. – Т. 3.
6. Хрестоматия по древней русской литературе / Под ред. Н. И. Прокофьева. – М., 1973.
7. Чехов А.П. Собр. соч. : в 12 т. – М., 1955. – Т. 6.
8. Чехов А.П. Собр. соч. : в 12 т. – М., 1955. – Т. 9.
9. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления). – М., 2004.
10. Bäcker I. Die existentielle Unbehausheit der Chehov'schen Drei Schwestern. Zum Wertestatus der Textrealität in der russischen Kultur // Eigen- und fremdkulturelle Literaturwissenschaft (Veröffentlichungen des Thomas-Mann-Lehrstuhls an der RGGU Moskau; Institut für deutsch-russische Kulturbeziehungen. Schriftenreihe; Bd 3). – München, 2011.

Фенчук О.Н.
(Воронеж)

Память и «невыразимое» в поэзии Бунина

Воспоминание и чувство – сквозные мотивы лирики Бунина. Оживленные в памяти, событие или явление порождают неуловимое душевное состояние, мимолетное настроение. Пафос многих стихотворений поэта заключен в сочетании чувственных восприятий и душевных переживаний лирического героя. По мнению Ходасевича, «чувство Бунина едва обретает возможность прорваться наружу; оно обозначается в мимолетном замечании, в намеке, чаще всего – в лирической концовке» [7: 185]. Поэта интересует не только неуловимое чувство, мимолетное настроение, но и сам процесс, возможность воплощения душевного состояния в слове. Уже в первых поэтических опытах Бунин размышляет о выразительном потенциале языка. По словам Юрия Мальцева, «Бунин всю жизнь терзался попытками выразить общепонятными словами невыразимое» [4: 109].

В русской литературе вопрос о невыразимости переживаний и мыслей в слове берет свои истоки в поэзии В.А. Жуковского и получает свое продолжение в творчестве Ф.И. Тютчева и А.А. Фета. В стихотворении «Невыразимое» В.А. Жуковский говорит о бессилии словесного искусства перед тайной и красотой мироздания. Мотив «невыразимого» связывается в этом произведении с мотивами природы («Что наш язык пред дивною природой?» [2: 407]), чувства («Спирается в груди болезненное чувство, / Хотим прекрасное в полете удержать, / Ненареченному хотим название дать...» [2: 407]) и памяти («Сие шепнувшее душе воспоминанье / О милом радостном и скорбном старины <...> Какой для них язык?...» [2: 407]).

Ф.И. Тютчев в стихотворении «Silentium!» запечатлел свое знаменитое: «мысль изреченная есть ложь» [5: 61], т.е. заявил о невозможности передачи не только чувства, но и мысли. А.А. Фет в стихотворении «Как беден наш язык! – Хочу и не могу...» выразил мнение, что только поэт способен передать в слове все и происходящее в глубине души, и существующее в мире. В других произведениях он, напротив, высказывает мысль, что человеческие чувства, ощущения и красота природы невыразимы, и даже поэту неподвластно умение передать все оттенки меняющейся реальности.

И.А. Бунин продолжает тему «невыразимого» в своем творчестве. В одном из первых стихотворений юный поэт представил размышления о невозможности передать словами переполняющие душу чувства: «Зачем и о чем говорить? / Всю душу, с любовью, с мечтами, / Все сердце стараться раскрыть – / И чем же? – одними словами!» [1: 74] Любовь и мечта становятся объектом «невыразимого».

Лирический герой сетует не только и не столько на слабость слова, но и на шаблонность речи, невосприимчивость людей по отношению к первозданной красоте и выразительной силе языка: «И хоть бы в словах-то людских / Не так уж все было избито! / Значенья не сыщете в них, / Значение их позабыто!» [1: 74]. Как следует из контекста, речь идет об обыденном слове, а не о поэтическом. Память, пристальное внимание к слову – стержневые категории самовыражения. «Невыразимое», по мнению автора, – это человеческое воображение, чувство, и потому еще одна причина невыразимости душевных переживаний скрыта в непонимании окружающими страданий другого человека: «Никто не сумеет понять / Всю силу чужого страданья!» [1: 74]. В рассматриваемом стихотворении тема «невыразимого» связана с мотивом беспомощности, забывания. Сохранение памяти об изначальной силе и красоте слова, его природной семантике – одно из средств понимания сокровенных уголков человеческой души.

В стихотворении «Ночь печальна, как мечты мои...» поэт ассоциирует ночь со своими мечтами, наполненными любовью и грустью. Любовью, которая невыразима, а оттого вызывает грусть. Неудивительно обращение начинающего поэта к личным переживаниям: молодой человек, не имея определенного жизненного опыта, опирается на рефлексии ощущений и чувств, и таким образом память направлена, в большей степени, на события и явления собственной жизни.

В этом стихотворении невыразимость человеческих чувств связывается с мечтами: «Ночь печальна, как мечты мои. / Далеко в глухой степи широкой / Огонек мерцает одинокий... / В сердце много грусти и любви» [1: 132]. Однако мечту в этом случае следует рассматривать шире, это не только воображение, но еще и память. «Грезы» – это воображаемое будущее, где всегда остается

место прошедшему. Да и сама атмосфера «глухой степи широкой» воскрешает в сознании скорее «время былое».

Как и в предыдущем стихотворении, лирический герой говорит о непонимании и невозможности поделиться сокровенным с другими: «Но кому и как расскажешь ты, / Что зовет тебя, чем сердце полно!» [1: 132]. Позже, в стихотворении «На высоте на снеговой вершине...» проблема непонимания находит свое разрешение: «И весело мне думать, что поэт / Меня поймет» [1: 84]. Бунинский герой утверждает способность поэтической природы на понимание «того, кто на вершине». Но если поэт может понять поэта, следовательно, поэтическое слово таит в себе богатый потенциал выражения, все зависит только от адресата восприятия.

«Я вырезал стальным клинком сонет» [1: 84] – заявляет лирический герой стихотворения. Употребление Буниным слов «вырезал», «стальным», «клинком», которые ассоциативно и звуковым строем коррелируют со словами «выразил», «стильным», «клином», и указание на «сонет», как наиболее подчиненную формальным правилам разновидность поэзии, требующую особого мастерства, – неслучайно. Поэтическое слово не имеет одного, определенного значения: явное звуковое сходство указанных слов вкладывает дополнительный смысл в приведенное высказывание, в тексте обнаруживается «двоение» семантики высказывания. Сближение происходит на основе семантических ассоциаций: «вырезал», «выразил» – начертил, воплотил во внешнем проявлении. Однако «выразил» – мгновенная передача, а «вырезал» – предполагает установку на долговечность («стальным на льдине»). Звуковое сходство слов «стальным» и «стильным» (стилос из стали), «клинком» и «клином» подразумевает обращение к особому языку, символу (по ассоциации с клинописью: написал стилосом – металлическим стержнем). По словам Ю.М. Лотмана, «...семантика слов естественного языка оказывается для языка художественного текста лишь сырым материалом» [3: 170]. А потому, перефразировать рассматриваемый стих можно так: «я выразил особым языком “невыразимое”».

Рассуждения о выразительности слова и сближают, и разнят взгляды Бунина и Фета. Но разница взглядов не всегда является

противостоянием, спором: художники ведут диалог. Фет в стихотворении «Как беден наш язык! – Хочу и не могу...» в первой строфе говорит о бессилии обыденного слова в передаче чувств, а во второй утверждает, что лишь поэт и только поэт в силах выразить то, что не под силу обывателю: «Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук / Хватает на лету и закрепляет вдрут / И темный бред души, и трав неясный запах» [6: 421]. И здесь кроется родство с рассмотренным выше сонетом Бунина: лишь поэту под силу передать «невыразимое». Разница в субъекте восприятия: в первом случае – каждый читатель, во втором – только поэт.

Мотив «невыразимого» представлен в стихотворении Фета «Весна на дворе», где он говорит о бессилии слова даже в выражении ощущений человека, простых явлений реальности: «Как дышит грудь свежо и емко – / Слова не выразят ничьи! / Как по оврагам в полдень громко / На пену прядают ручьи!» [6: 96]. Фету удастся запечатлеть мгновение, мимолетный момент душевного состояния человека. Бунин, как и Фет, изображая природу, часто отказывается от описаний, но раскрывает эмоциональное состояние созерцающего человека.

В стихотворении Бунина «Небо» воспоминание о весеннем дне в горной деревне и прогулке по заснеженным вершинам неожиданно остро волнует лирического героя, наводя на размышления о смысле жизни и невыразимости красоты природы, внутренних побуждений человека, зачарованного красотой неба и устремленного душой в высь:

И, радуясь, душа стремилась
Решить одно: зачем живу?
Зачем хочу сказать кому-то,
Что тянет в эту синеву,
Что прелесть этих чистых красок
Словами выразить нет сил,
Что только небо – только радость
Я целый век в душе носил? [1, 230]

Подобная мысль звучит в стихотворении Жуковского «Невыразимое»: поэты говорят о неуловимых, неясных,

загадочных чувствах, навеваемых природой, созерцанием прекрасного, воспоминанием:

Что видимо очам – сей пламень облаков,
По небу тихому летящих,
Сие дрожанье вод блестящих,
Сии картины берегов
В пожаре пышного заката –
Сии столь *яркие черты* –
Легко их ловит мысль крылата,
И есть *слова* для их *блестящей* красоты.
Но то, что слито с сей блестящей красотой –
Сие столь смутное, волнующее нас <...>
Какой для них язык?...Горе душа летит,
Все необъятное в единый вздох теснится,
И лишь молчание понятно говорит.
[2, 407-408, курсив в оригинале].

Тонкая грань разделяет идейно-содержательную основу приведенных отрывков. Разница заключается в большей экзальтированности бунинского высказывания – после мысли о невозможности выразить душевный порыв лирический герой буквально выдыхает квинтэссенцию своего чувства: «небо – радость»; герой же стихотворения Жуковского замолкает.

Бунин продолжает намеченную метром русской поэзии линию – «память» и «невыразимое». В стихотворении «Памяти друга» Бунин говорит словами лирического героя, что слово не в силах выразить воскресшие образы нашей памяти: «И для чего я мучусь без конца / В стремленье вновь дать некий вид телесный / Чертам уж бестелесного лица. / Зачем я этот вечер вспоминаю, / Зачем ищу ничтожных слов, – не знаю» [1: 425]. Воспоминание настойчиво вызывает к бессильному слову.

Строки стихотворения Тютчева: «Так, в жизни есть мгновения – / Их трудно передать, / Они самозабвения / Земного благодать» [5: 196] содержат мысль о редких минутах душевной гармонии человека, самозабвении. Подобная мысль присутствует в стихотворении Бунина «Под орган душа тоскует...». Герой

стихотворения Тютчева ведет беседу с «птицами небесными» (устремлен в небо, что косвенно указывает на религиозное чувство), лирический герой Бунина говорит с Богом: «О Иисусе, в крестной муке / Преклонивший лик! / Есть святые в сердце звуки, – / Дай для них язык!» [1: 67]. Однако если в стихотворении Тютчева речь идет о невыразимых мгновениях (категории чувства во времени), то в бунинском стихотворении говорится о невыразимости отношения к ситуации (языке эмоций). Самозабвение в тютчевском стихотворении – в большей степени восторг перед силами природы, Бунин же говорит о религиозном чувстве человека. В рассматриваемых стихотворениях присутствует мотив забвения, подчеркивающий невыразимость высших состояний человеческой души.

Обращение Бунина к опыту предшественников, разрабатывавших мотив «невыразимого», свидетельствует о трансформации творческого сознания: память из области биографической перемещается в культурное пространство. Интерес к литературной традиции, преемственность художественного наследия четко прослеживается в произведениях поэта. С другой стороны, проявляется особый, индивидуальный подход к трактовке данной проблемы.

В стихотворении «В горах» Бунин представляет размышление о невыразимости самой поэзии, о природе поэтического чувства: «Поэзия темна, в словах невыразима: / Как взволновал меня вот этот дикий скот, / Пустой кремнистый дол, загон овечьих стад, / Пастушеский костер и горький запах дыма!» [1: 401]. Поэт стремится схватить «невыразимое» через мгновенное озарение, заразить читателя охватившим его настроением. Если поэты золотого века русской литературы спорили о возможности выразить мгновенные, неуловимые движения человеческой души, то Бунин определяет природу этих душевных движений, которую видит в памяти, в способности поэта сопереживать людям, видеть прекрасное в том, что было дорого людям предшествующих эпох: «Треногой странною и радостью томим, / Мне сердце говорит; “Вернись, вернись назад!” / Дым на меня пахнул, как сладкий аромат, / И с завистью, с тоской я проезжаю мимо» [1: 401].

Настоящая поэзия, по мнению Бунина, заключена в особом взгляде на мир, в прикосновении к прошлому, памяти предков, что в свою очередь вызывает в душе невыразимые чувства: «Поэзия не в том, совсем не в том, что свет / Поэзией зовет. Она в моем наследстве. / Чем я богаче им, тем больше я поэт. / Я говорю себе, почуяв темный след / Того, что пращур мой воспринял в древнем детстве: / – Нет в мире разных душ и времени в нем нет!» [1: 401]. Следовательно, поэзия – тайна, объединяющая людей во все времена, некий «темный след», роднящий поколения. Природа поэзии кроется в наследственной памяти, передающейся на генетическом уровне – это определенный строй души.

Стихотворение «Что в том, что где-то, на далеком...» является своего рода обобщением темы «невыразимого». В нем поэт размышляет о высших состояниях человека, о природе воображения и воспоминания. «Невыразимое» предстает здесь как некие чувства, в которых нет нужды обывателю, но которые зовут поэтическую душу в трансцендентный мир: «Не я ли сам, по чьей-то воле, / Вообразил тот край морской, / Осенний ветер, запах соли / И белых чаек шумный рой?» [1: 95]. Лирический герой находится в тупике. Реально ли то, что существует в сознании? В чем разница между воспоминанием и воображением? Картина, рисуемая поэтом, предстает в движении, воздействует на зрительные (море), осязательные (ветер), слуховые (шумный) и обонятельные (запах соли) ощущения. Образная картина морского побережья порождение и воображения, и памяти.

В заключительных строках стихотворения лирический герой озадачен природой воспоминаний и поэтических чувств: «О, сколько их – невыразимых, / Ненужных миру чувств и снов, / Душою в сладкой муке зримых, – / И что они? И чей в них зов?» [1: 95]. Как и в стихотворении «Ночь печальна как мечты мои»: «Что *зовет* тебя, чем сердце полно!» [1: 132, курсив мой – О.Ф.], вновь лирический герой чувствует некий «зов». В свете сказано выше становится очевидно, что это прежде всего зов памяти. Казалось бы, эти чувства бесполезны, но если они зовут человека, в них существует смысл хотя бы для того, кто

слышит этот «зов» и тем самым становится прикосновенным к тайне зарождения жизни, зову предков, истории, памяти.

Юрий Мальцев в книге о Бунине справедливо заметил: «Он слишком ясно чувствовал, что собственно мышление в человеке занимает очень мало места, что в нем очень сложно переплетаются мысли и чувства, непосредственное восприятие и память, и прапамять, знание и незнание...» [4: 119].

В ранней поэзии Бунина воспоминание проявляется как отражение реальных фактов, запечатленных в памяти – это не абстрактные сущности мира идей, а конкретные объекты действительности. Объективно существующий мир, переходя в субъективное восприятие лирического героя, не теряет своей объективности. Все жизненные ситуации сопровождается чувственно-предметный компонент: тот или иной предмет напоминает о каком-либо событии, явлении индивидуальной памяти. Мелодия, аромат, образ рождает череду связанных с ними ассоциаций, вызывающих наиболее яркие воспоминания. Возбуждение определенного состояния происходит по принципу подобия: изображение, звук или запах того или иного явления вызывает чувства, связанные с этим явлением.

Поэт озабочен проблемой «памяти слова». «Невыразимое» – не только проблема чувства и памяти, но и беспомощности по отношению к силе и красоте языка. Слово как исток культуры – объект особого внимания Бунина. Поэт не только ставит вопрос о «невыразимом», он пытается разрешить его в своем творчестве. Динамика художественного сознания поэта идет от «невыразимого» в чувствах к «невыразимому» в культуре. В ранней лирике Бунина доминируют личные воспоминания, обращенные к событиям и переживаниям героя. Позднее воспоминание переходит из сферы личных чувств, ощущений и переживаний к рефлексии онтологических проблем бытия, в область культурной и генетической памяти.

Литература

1. Бунин И.А. Собр. Соч.: в 9 т. – М., 1965. – Т. 1. – 595 с.

2. Жуковский В.А. Избранное / В.А. Жуковский. – Ростов н/Д., 1997. – 448 с.
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб., 2005. – С. 14-281.
4. Мальцев Ю. Жизнь Бунина / Ю. Мальцев. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1994. – 432 с.
5. Тютчев Ф.И. Стихотворения / Ф.И. Тютчев. – М., 1976. – 336 с.
6. Фет А.А. Избранное / А.А. Фет. – Смоленск, 2000. – 608 с.
7. Ходасевич В.Ф. О поэзии Бунина // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. / Ходасевич В.Ф. – М., 1996. – Т.2. – С. 182-187.

Салеем К.М.Х.
(Воронеж)

Память сердца: Испания в романе Висенте Бласко Ибаньеса «Кровь и песок»

Когда мы говорим о памяти в романе «Кровь и песок» (1908) испанского писателя Висенте Бласко Ибаньеса (1867-1928), прежде всего необходимо определить, что такое память. В рамках данной работы, опираясь на труды Р. Барта [6], П. Бурдые [7] и П. Рикера [8], под памятью мы будем понимать особую способность сознания, которая позволяет человеку понимать настоящее и прогнозировать будущее, опираясь на знание о прошлом. Прошлое хранится в сознании в виде образов предметов и событий.

Памяти принадлежит важная роль в культуре. В статье о «Памяти или связи» Пьер Бурдые указывает, что «без памяти нет культуры. Без культуры нет цивилизации. Без цивилизации нет истории. Без истории не может сформироваться личность, ни индивидуально, ни как часть социальной группы» [7: 94]. Память о прошлом нередко актуализируется в сложные для народа исторические периоды.

Роман Бласко Ибаньеса «Кровь и песок» (1908) появился в тот период времени, когда особое место в сознании жителей этой